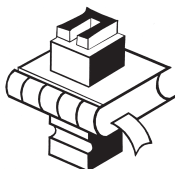

Российская экономическая академия им. Г. В. Плеханова

Н. М. Багновская

**СЕВРЮКИ:
население Северной земли
в XIV—XVI вв.**

Научное издание

Издательство «Палеотип»
Москва, 2002

УДК 338.43.02.(91)(470.30)
ББК 63.3(2)
Б 14

Рецензент:

А. К. Швидько, доктор исторических наук, профессор.

Б 14 **Багновская Н. М. Севрюки: население Северской земли в XIV—XVI вв.:** Научное издание. — М.: Издательство «Палеотип», 2002. — 48 с.

ISBN 5-94727-010-2

Анализируется история формирования и развития населения Северской земли в XIV—XVI вв. Чернигово-Северские княжества этого времени находились, с одной стороны, в эпицентре борьбы Великого княжества Литовского (а затем Польско-Литовского государства) и Московского государства за наследие Древней Руси, с другой, — на рубеже с полукочевым и кочевым миром южнорусских степей. Немногочисленные источники XV—XVI вв. говорят о местных жителях края — севрюках. Вопросы, кто такие севрюки и под влиянием каких факторов развивались историко-этнические процессы в Северской земле исследуемого периода, и посвящена данная работа.

Для всех, интересующихся отечественной историей.

ISBN 5-94727-010-2

© Н. М. Багновская, 2002
© Издательство «Палеотип», 2002

ВВЕДЕНИЕ

Территория древней Северской земли — своеобразная и интересная область восточнославянского расселения. Здесь с глубокой древности проживали и общались группы населения с различным хозяйственным укладом и различного происхождения. Восточнославянские племена, расселившиеся на Левобережье Днестра по рекам Десне, Сейму и Суле вступали во взаимодействие с неславянским населением и в совокупности явились тем базисом, на основе которого сформировалось население древней Северской земли. С первых летописных упоминаний о северах в качестве одного из восточнославянских племен до конца XVIII в., когда исчезли последние упоминания о северюках, население Северской земли прошло длительный и сложный путь исторического развития. Основные историко-этнические процессы указанного периода связаны с формированием восточнославянских народов¹.

Вопрос об этнокультурном размежевании восточных славян относится к числу не только важных, но и чрезвычайно сложных проблем их истории. Особенности трудности вызывает изучение контактных зон, где складывались этнические границы русских, украинцев и белорусов. Область Северской земли — одна из таких зон.

Истории Северской земли XIV—XVI вв. в литературе уделено мало внимания. Известные работы П. В. Голубовского, Д. И. Багалея, В. В. Мавродина охватывают лишь период до середины XIV в.²

Завоевание Северской земли литовскими князьями нашло отражение в работе В. Б. Антоновича “Очерк истории Великого княжества Литовского до смерти Ольгерда” (1885).

Работа Л. В. Падалки “Прошлое Полтавской территории и её заселение” (1914), пожалуй, единственная в дореволюционной историографии, где ставятся вопросы об этническом составе населения южных районов Северской земли со времен Древнерусского государства и до начала XIX в. Конечно, во многом труд Падалки устарел. Автор слишком преувеличивал значение различного рода “колонизаций”, фактически сводил к ним всё многообразие этнической истории. Он принимал безоговорочно мнение о полном запустении южных районов лесостепного Левобережья после Батьева нашествия и в то же время констатировал факт существования “туземного” населения — северюков. Однако вывод автора о том, что население Полтавщины сформировалось в результате “колонизации” тремя “племенными элементами”: северюки, татарский или отатаренный и черкасы (с. 100—101) — несомненно, близок к истине, хотя и требует современного осмысления и уточнения.

Вопрос о происхождении русского, украинского и белорусского народов, а в том числе и вопросы о древнем населении Северной земли, его генетических связей и исторических судьбах, изучался украинской дореволюционной историографией. Теория о бесклассовости и демократизме украинского народа, идеализация казачества — выдвинутые в работах родоначальника украинской буржуазной историографии В. Б. Антоновича, были развернуты его учеником М. С. Грушевским. Грушевский считал национальную проблему главной в истории. Формирование украинского народа он относил к IV в. и утверждал, что Древнерусское государство — Киевская Русь — принадлежит исключительно истории украинского народа. Связи украинского и русского народов Грушевский ограничивал только принадлежностью к восточнославянской языковой ветви, игнорируя общность происхождения и близость их культуры³. В вопросе этногенетических связей древней северы, Грушевский отстаивал генетическое родство последней с полянами, всячески умаляя близость северы с радимичами и вятичами. Верно обратив внимание на особое значение XIV—XVII вв. в истории Северщины, Грушевский, однако, понимал это значение с позиций колонизационных движений населения⁴. Он видел в Северщине своеобразный аккумулятор “української людності” и украинской культуры в периоды отливов и приливов населения с севера на юг и обратно (согласно его теории о постоянных движениях в меридиональном направлении).

Так как города и волости бывшей Северной земли долгое время входили в состав Литвы и Речи Посполитой (или переходили из рук в руки), к проблемам истории Северной земли обращались некоторые польские исследователи конца XIX—XX вв. Наиболее известным из них является А. Яблоновский, труды которого⁵ по истории Украины XVI—XVII вв. надолго определили представления о территории и границах литовской и польской Украины и России и о населении этих областей. Односторонность используемых Яблоновским источников (только литовские описания-люстрации), а также незнание событий конца XVI в. на территории бывшей Северной земли привели его к перенесению границ Речи Посполитой XVII в. на XVI в., в результате чего вся территория к востоку от Днепра до Путивля оказалась в пределах Польши⁶. Эти земли (не учтенные люстрациями и принадлежавшие в XVI в. Московскому государству) были объявлены Яблоновским “пустующими”, “пустыней”. Характерный недостаток его работ: почти все явления этнических процессов на Левобережье Днепра в XVI в. он обосновывал исходя из данных источников XVII в.

Другой польский исследователь Стефан Кучинский поставил своей задачей осветить историю Чернигово-Северской земли в период литовского господства: от завоевания её Ольгердом до 1503 г., когда набирающее мощь Московское государство отвоевало у Литвы Северские земли⁷. Монография Кучинского “Чернигово-Северские земли под властью Литвы” вышла в свет в 1936 г. и была первым комплексным исследованием этой проблемы. Кучинский отказался от традиционной периодизации исторических событий по прав-

лениям великих князей Литовских и выдвинул свою периодизацию. Главное, на чем сконцентрировал внимание Кучинский в своем объемном труде — стратегическое положение Чернигово-Северской земли в борьбе Литовского, а затем Польского государств с Московским. Он стремился также привести сведения из области исторической географии, дать общий обзор Литвы, Московской державы и “Татарщины”, дабы выделить исторические судьбы Чернигово-Северской земли, которая своей территорией как бы связывала названные страны.

В трудах дореволюционных историков Д. И. Багаля, М. С. Грушевского, А. М. Лазаревского, М. Ф. Владимирского-Буданова и других уделялось серьезное внимание опровержению тезиса, выдвинутого польской буржуазной историографией, о полном запустении Левобережья Днепра в XV в. и ведущей роли государственной власти Речи Посполитой и поляков в освоении этих земель в XVI—XVII вв. Не отрицая частичного уменьшения населенности Левобережья в XV—XVI вв., Владимирский-Буданов отводил главную роль в его заселении в XVI—XVII вв. русскому (украинскому и белорусскому) населению⁸; Багалей и Грушевский (хотя и с разных позиций) — казакам⁹. При этом Д. И. Багалей преувеличивал значение так называемой правительственной колонизации Московского государства, недооценивая роль стихийного заселения края крестьянами, казаками и различного рода “вольными людьми”. Относительно местного населения бывшей Северской земли, эти исследователи ограничивались констатацией факта существования его остатков.

Крупный советский историк М. Н. Тихомиров в работе “Россия в XVI столетии” (М., 1962), с привлечением новых источников, дал концентрированный очерк социально-экономического состояния Северских земель XVI в. в пределах удельных княжеств: Новгород-Северского, Стародубского, Путивльского, Рьльского. Однако историко-этническая проблематика в данной работе не рассматривается.

В 1991 году появился популярный очерк истории Великого княжества Литовского, написанный известным генеалогом и историком С. В. Думиным.¹⁰ Работа интересна тем, что автор ставит под сомнение многие взгляды и стереотипы, сложившиеся в изучении этого государства, в состав которого длительное время входили Северские земли. По мнению С. В. Думина русские земли присоединились к Великому княжеству Литовскому исключительно на добровольной основе. Историк также полагает, что Великое княжество Литовское являлось для русских земель “упущенной возможностью” интегрироваться в западноевропейский мир государств.

Посвященных же непосредственному изучению истории Северской земли, в последние десятилетия появилось лишь несколько работ, в которых анализируются отдельные аспекты истории этого региона в составе Великого княжества Литовского. Это работа Ф. М. Шабульдо “Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского” (Киев, 1987); А. Ю. Дворниченко “Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.);

Очерки истории общины, сословий, государственности” (СПб., 1993); М. М. Кром “Меж Русью и Литвой: Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. ” (М., 1995); О. В. Русиной “Северская земля в составе Великого княжества Литовского” (Киев, 1998).

Монография украинской исследовательницы О. В. Русиной, пожалуй, единственная за последние два десятилетия, где рассматривается комплекс проблем исторического развития Северщины в XIV—XV вв., когда она находилась в составе Литовского государства. Автор детально прослеживает эволюцию политико-административного устройства региона, характеризует основные тенденции социально-экономического развития Северской земли литовского периода; на фоне литовско-ордынских и литовско-московских взаимоотношений рассматривает политические процессы указанного периода. Работа О. В. Русиной насыщена документальным материалом, однако, зачастую в ущерб историческому анализу: автор слишком досконально анализирует документ и историю его изучения, уходя далеко в сторону от основной линии исторического процесса в Северской земле изучаемого периода. Проблемы историко-этнических процессов в Северской земле исследуемого периода О. В. Русина не рассматривает.

Изучение же историко-этнических процессов в Северской земле XIV—XVI вв. так и осталось за пределами внимания современных исследователей. В связи с этим автор видела одну из главных задач своей работы — восполнить существующий пробел в изучении истории восточнославянских народов.

РАЗДЕЛ 1. СЕВЕРСКАЯ ЗЕМЛЯ В СОСТАВЕ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

Бесконечные монголо-татарские рати на протяжении второй половины XIII в., от которых больше всего страдали южные и юго-западные древнерусские земли, сделали свое дело. К началу XIV в. древний Киев полностью утратил свое значение не только стольного города и политико-экономического центра древнерусских земель, но и, после отъезда в 1300 г. в северо-восточные земли православного митрополита, потерял значение духовного и культурного центра. Последующие столетия ознаменовались не только золотоордынским господством, но и ожесточенной борьбой за древнерусское наследие между Литвой, Польшей и Московским государством. Первым успехов на этом поприще достигло Великое княжество Литовское.

Литовский период истории древнерусских земель — достаточно длительный и важный этап их развития. Реконструкция не только политических и социально-экономических, но и историко-этнических процессов этого периода составляет одну из важных задач современной восточнославянской медиэвистики. Осуществление таких исследований выглядит наиболее перспективно на основе регионального принципа, тем более что, как известно, Великое княжество Литовское представляло собой конгломерат отдельных земель, которые на протяжении XIV—XVI вв. сохраняли значительные локальные особенности, генетически восходящие к более ранним периодам их исторического развития.

Период существования Великого княжества Литовского до унии 1569 г. оценивается некоторыми историками как время существования Литовско-Русского государства, которое сохраняло традиции Древнерусского государства. Другие исследователи убеждены, что в это время шел процесс превращения русских земель в литовскую провинцию. Такие разногласия связаны с тем, что время пребывания русских земель в составе Великого княжества Литовского имеет одну важную особенность: оно состояло из разных по продолжительности и содержанию периодов, в рамках которых доминировала то одна, то другая тенденция.

XIV век — время интенсивного увеличения территории Великого княжества Литовского. Свое проникновение на Русь Литовское княжество начало еще со времен Миндовга (1230—1263 гг.). Тогда главным объектом стали западнорусские (белорусские) земли. Во времена его преемника Гедимина (1316—1341 гг.) начинается экспансия в юго-западные древнерусские (укра-

инские) земли. Вместе с другими древнерусскими землями (Вольнь, Подолия, Киевщина) в состав Литовского государства вошла Северская земля.

Утверждение литовского господства в Северной земле имело длительную предисторию. В источниках начала XIII в. отмечены первые столкновения местных князей с литовцами. Под 1203 или 1204 г. в Новгородской Первой летописи записано: “победиша Олговица литву, избиша их 7 сот и 1000”¹¹. В Московском летописном своде конца XV в. встречаем известие, что в 1220 г. “приходиша литва и воеваша волость Черниговскую и постиг их, изби всех, а полон отъят”¹². Безусловно, в этот период речь может идти о спорадических набегах литовских дружин с целью грабежа. После монгольского нашествия ситуация в корне меняется в сторону значительной военной активизации Литвы в этом регионе.

В середине XIII в. князь Миндовг (Миндаугас) объединил воинственные языческие племена литовцев, чтобы дать отпор экспансии Тевтонского ордена немецких крестоносцев, который возник на прибалтийской земле. Из этой борьбы литовцы вышли объединенными и сильными как никогда ранее. Почувствовав свою военную мощь, литовские военные дружины пытаются проявить ее в древнерусских землях, находящих под властью Золотой Орды. В 1258 г. воевода Миндовга Хвал “иже велико убийство творяше земле Черниговской”, а в 1263 г. “послал бяшеть Миндовг всю свою силу за Днепр на Романа на Брянского князя”¹³. Однако во второй половине XIII в. “заднепрянские князи” находились целиком и полностью “в воли татарской”¹⁴ и военные походы литовцев не принесли им территориальных приобретений.

В белорусско-литовских летописях широкой редакции имеются рассказы об основании литовцами вскоре после монгольского нашествия на русских землях города Новгорода (современный Новогрудок), о военных сражениях литовских князей с царем Заволжской Орды и о поражении “того царя, и всю его мощь татарскую” и о походе на Русскую землю и взятии городов Мозырь, Чернигов, Стародуб и Карачев¹⁵. Эти рассказы впоследствии попали в “Хроники” М. Стрийковского, И. Бельского, Ф. Софоновича и в украинский хронограф¹⁶. Однако современные исследователи считают, что белорусско-литовские летописи датируются первой половиной XVI в. и отмечены ярко выраженной политической тенденциозностью, в частности стремлением доказать исторические права Великого княжества Литовского на Северскую землю, которая с начала XVI в. находилась в составе Московского государства.

Это и объясняет легендарный характер приведенных выше рассказов¹⁷.

Легендарный характер имеет и рассказ о завоевании Вольни и Киевщины князем Гедимином, в котором среди киевских “пригородков” покоренных Гедимином, называется и северский Путивль¹⁸. На рубеже XIX—XX вв. в исторической литературе развернулась дискуссия о достоверности данного рассказа. В то время победило мнение историков В. Б. Антоновича, Р. В. Зотова, Ф. И. Леонтовича, О. Е. Преснякова о недостоверности данного рассказа. Точку в данной полемике поставил П. Г. Клепатский, который, проанализировав все аргументы “за” и “против” включения Северщины в состав Великого

княжества Литовского Гедимином, пришел к выводу, что рассказ широкой редакции литовско-русской летописи о завоевании Киева времен Гедимины не известен из других, более ранних источников и имеет против себя множество никем пока не опровергнутых возражений¹⁹. Однако вскоре после выхода в свет работы П. Г. Клепатского появляется публикация М. Д. Приселкова и М. Р. Фасмера “Отрывков В. Н. Бенешевича по истории русской церкви XIV века”²⁰, которая послужила толчком к пересмотру мнения о легендарном характере литовского завоевания Киева в 30-х гг. XIV в. С этого времени в исторической литературе преобладает мнение о литовской супрематии над Киевом и округой со времен Гедимины²¹. Современная украинская исследовательница О. В. Русина подвергла текст отрывков В. Н. Бенешевича скрупулезному источниковедческому анализу и пришла к выводу об отсутствии всяких доказательств историчности Гедиминова завоевания Киева²².

Итак, концепция присоединения к Литовскому государству Северских княжеств в 20—30-х гг. XIV в., активно пропагандируемая М. Стрийковским на основании недостоверных источников XV—XVI вв., несомненно, была элементом официальной идеологии и инструментом в дипломатической практике XVI—XVII вв. Что касается действительного времени вхождения Северских княжеств в состав Великого княжества Литовского, то О. В. Русина считает, что единственный населенный пункт на Северщине, относительно которого есть определенные свидетельства достоверных источников, — это Брянск. Осенью 1356 г. “воевал Ольгерд Брянск и Смоленск”, а в следующем году Смоленский князь Василий “приде из Орды, сел на княженьи в Дьбряньске; и, мало пребыв... преставися; и бысть в Бряньске лихостию лихих людей замятня велика и опустенье града; и потом нача обладати Ольгерд Брянском”²³. По мнению некоторых исследователей, благодаря деятельности пролитовски настроенных групп местного боярства, процесс утверждения в Брянске Ольгерда носил сравнительно мирный характер и произошел примерно в период между 1357 и 1360 гг.²⁴ Однако покорение Брянска нельзя отождествлять с включением всей Северской земли в состав Великого княжества Литовского. Действительно многие исследователи называют Брянск этого времени “центром”, “главным городом” Северской земли²⁵, но это не совсем верно. Брянск с середины XI в. принадлежал черниговским князям, а во второй половине XIII в. даже стал ненадолго их резиденцией (в связи с монгольским завоеванием), но уже в 90-х гг. того столетия оказался под контролем смоленских князей²⁶. Соответственно, борьба Ольгерда за Брянск представляла собой один из аспектов литовско-смоленских отношений, стремление Литвы вернуть себе контроль над Смоленском, утраченный в начале 1350-х гг.²⁷

По мнению О. В. Русинной, для разрешения вопроса о присоединении Северщины к Великому княжеству литовскому, важным является факт одновременного перехода под власть Ольгерда Брянска и Киева, которые находились под непосредственным контролем Орды, о чем свидетельствует участие Орды в брянских делах первой половины — середины XIV в. и присутствие ханского баскака в окружении Федора Киевского, которого (или его тезку) со